

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное учреждение культуры
«Архангельский государственный музей деревянного
зодчества и народного искусства «Малые Корелы»

**МАЛЫЕ
КОРЕЛЫ**
музей деревянного зодчества
новые ценности – из зёрен традиций

Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность

Сборник материалов
Всероссийской научно-практической конференции,
посвященной 45-летию музея «Малые Корелы»
(Архангельск, 8 – 11 июля 2009 года)

к 1420771

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И. В. Бабушкина

Архангельск
Музей «Малые Корелы»
2010

ворожденный. Во второй Боровской ветви умирал каждый шестой младенец (родилось – 34, умерло – 6). В Горкинской – каждый третий (родилось – 38, умерло – 11).

В первой Боровской ветви к концу XIX века существовало четыре, в Боровской второй – четыре, в Горкинской – пять, в Чернецовской – семь семей. Таким образом, разница показателей выживаемости детей в ветвях рода не оказала существенного влияния на эволюцию рода в целом.

Собранный генеалогический материал предполагается использовать в соответствующей экскурсионной работе и интерактивных программах. В частности, родословное древо рассматриваемого рода будет составлять часть экспозиции, содержательная часть экскурсии по «дому Храповых» будет включать биографические данные членов рода Храповых, сведения об общественном служении О.С. Храпова, общеисторический материал о деятельности земства, и в частности Устюгской земской управы, о министерском народном училище, располагавшемся в арендованной части дома Храповых. Вся информация, связанная с историей и генеалогией рода Храповых, может стать основой сюжетов для интерактивных программ «Сельская школа в начале XX века» и «Крестьяне – земские деятели».

Примечания

1. ВУ ЦА. – Ф. 262. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 25.
2. ВУ ЦА. – Ф. 262. – Оп. 1. – Д. 76. – Л. 28.
3. ВУ ЦА. – Ф. 364. – Оп. 1. – Д. 584, 7109, 7133, 7211, 7261, 7268, 7269, 7294.
4. ВУ ЦА. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 981, 985.
5. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 19. – Д. 47.
6. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 48. – Д. 13, 15.
7. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 51. – Д. 15, 16.
8. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 7. – Д. 109, 147, 166, 169, 173, 177, 204, 205.
9. Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 – 1894 годы / Вологодский Губернский Статистический Комитет (ВГСК). – Вологда, 1893.
10. Памятная книжка Вологодской губ. на 1899– 1890 гг./ ВГСК.– Вологда, 1899.

*В.Е. Добровольская,
кандидат филологических наук, заведующая отделом
устно-поэтического фольклора ФГУК «Государственный республиканский
центр русского фольклора», г. Москва*

Запреты и предписания, связанные с женскими сельскохозяйственными работами в традиционной культуре Русского Севера

Система правил, регламентирующих бытовую, обрядовую и хозяйственную деятельность как одного человека, так и всей общины в целом, является постоянным объектом внимания исследователей [29, с. 45 – 59; 25; 5, с. 269 – 273]. В то же время запреты и предписания, связанные с профессиональной принадлеж-

ностью индивида, не стали предметами постоянных исследований, хотя, конечно, фиксировались от случая к случаю, прежде всего, учеными XIX – начала XX веков [14; 15; 18, с. 109 – 133]. В работах данной тематики профессиональные нормативы рассматривают как один из способов характеристики представителя той или иной профессии, а не как часть единой системы установок и стереотипов, обязательное соблюдение которых делает жизнь этноса стабильной. Единственная известная нам попытка¹ представить поверья как целостную систему этносоциальной регламентации, весьма успешная, с нашей точки зрения, принята в книге Т.Г. Владыкиной [6, с. 240 – 280]. Как отмечает автор в своем исследовании, «система важнейших предписаний была разработана за многовековую историю народа столь детально и тщательно, что практически охватывала весь жизненный цикл человека, причем индивидуальное, как правило, довольно жестко ограничивалось или даже приносилось в жертву общему, общинному, родовому; регламентировалась вся совокупная информация о социальном и природном окружении человека на его важнейших пространственно-временных уровнях» [6, с. 240]. Необходимо отметить, что в работах, затрагивающих вопросы нормативов в традиционной культуре, внимание к предписаниям и запретам, существующим у представителей разных профессий, неодинаково. Причина этого очевидна. Не вся деятельность в рамках традиционной культуры рассматривается как профессиональная, то есть требующая специальных (будь то сакральных или профанных) знаний и навыков. Поэтому основное внимание исследователей, так или иначе затрагивающих эту проблематику, сосредоточивалось обычно на так называемых «знающих» людях: печниках, мельниках, пастухах, гончарах и, конечно, колдунах [32, с. 9 – 27; 10, с. 95 – 105; 26; 24, с. 41 – 47; 27, с. 177 – 192]. Необходимо отметить, что нормативы, связанные с женской трудовой деятельностью, в большинстве своем и вовсе не рассматривались как сакральные, за исключением повитушества, колдовства/знахарства, а также отчасти обмывания и отчитывания покойника [23; 7, с. 164 – 174; 17].

В настоящее время интерес к изучению поведенческих нормативов, связанных с профессиональной деятельностью, необычайно высок. Однако основное внимание сосредоточивается на изучении современных профессий, что в значительной степени связано с тем, что эта проблематика стала объектом работы социологов и социальных антропологов, которых интересует структура и форма профессионального знания, культура и язык профессиональных групп, идентичность профессионалов, процессы профессионализации и тому подобное. Они работают в рамках методов, предложенных М. Вебером и другими представителями «школы» социологии, профессий, такими как А.М. Кар-Саундерс, П.А. Вилсон, Т. Парсонс, считавших, что формальное специальное образование, наличие субкультуры и этнического кода является одним из ключевых критериев идентификации занятия как самостоятельной профессии [1; 2, с. 536 – 547]. В некоторых отечественных научных школах, прежде всего в Центре социологического образования Института социологии РАН (Москва), Центре независимых социологических исследований (Санкт-Петербург) и Центре социальной поли-

¹ К сожалению, только на удмуртском материале.

тики и гендерных исследований (Саратов), изучая «роль профессий как посредников между государством и гражданами в контексте меняющегося облика социального государства» [34, с. 7 – 10], обратились и к собственно нормативам, характеризующим ту или иную профессию. Результатом полевых исследований стали семинары, а затем и сборники, в которых рассматриваются различные профессиональные сообщества в аспектах структуры повседневного опыта и форм профессионального знания [3, 22]. Нельзя также в этой связи не упомянуть проект Т.Б. Щепанской «Антропология профессий», который проводится в рамках антропологического практикума, где студенты работают по разработанным ею программам, исследуя представителей отдельных профессий и их традиционную культуру. Собственно фольклористы обратились к запретам и предписаниям в сфере профессиональной деятельности в связи с интересом к современным формам, прежде всего, городского фольклора. Особое внимание исследователей стали привлекать «закрытые» традиции, носители которых стремились к определенной культурной изоляции, что в свою очередь способствовало «возникновению «эзотерических» культурных кодов и текстов, бытующих внутри культурных сообществ» [21, с. 12]. В рамках исследований субкультур появились работы по фольклору современных профессиональных субкультур: врачей, геологов, парашютистов, программистов и так далее [28; 20, с. 295 – 312; 31]. Безусловно, проект Т.Б. Щепанской позволит выявить основные черты, темы и функции профессиональных субкультур, но, вероятно, в основном в нем будут рассматриваться современные поведенческие нормативы, а также те традиционные правила, которые «развиваются помимо официальных институциональных норм в ходе неформального общения в профессиональной среде» [33, с. 406]. Однако нам кажется, что для традиционной передачи профессиональных навыков участие социальных институтов минимально, и поэтому все нормативы передаются в ходе «неформального общения». Особое место в исследовании данной тематики занимают нормативы, связанные с исполнением фольклорных жанров. И хотя есть ряд работ, непосредственно посвященных нормам исполнительской практики [12, с. 112 – 123; 9, с. 26 – 28; 11, с. 39 – 51], в основном подобные нормативы рассматриваются в работах, посвященных тому или иному фольклорному жанру, исполнение которого требует профессиональных навыков. Деревенские профессионалы старались сохранить свое мастерство и соблюдали различные предписания, призванные защитить их способности. Запреты, распространяющиеся на мужчин-профессионалов, как было отмечено выше, привлекают внимание исследователей, запреты же, бытующие в женской среде, как предмет исследования встречаются реже, хотя известна разветвленная система предписаний для плакальщиц, знахарок, исполнителей духовных стихов [12, с. 112 – 123; 9, с. 26 – 28; 11, с. 39 – 51], известны и нормативы, связанные с деятельностью повитух [23].

Между тем Т.А. Бернштам убедительно доказала, что трудовые роли и рядовые функции независимо от половозрастного разделения хозяйственных занятий имели ритуальную связь «с сакральными силами...», результатом чего «являлся «договор», обеспечивающий прокормление человеческого и животного мира» [4, с. 139].

Любая традиционная работа имела ряд магических правил и запретов, которые необходимо было выполнять для достижения успешного результата. Профессиональные нормы и запреты существуют для всех видов традиционной (крестьянской) деятельности независимо от гендерной принадлежности работника; сакральности или профанности (прежде всего с исследовательской точки зрения) того или иного типа работы.

Предметом данной статьи стала женская трудовая деятельность, не затронутая разделением труда, то есть та, которой занимается большая или значительная часть представителей половозрастной группы (такие занятия не задают определенной профессиональной принадлежности своего носителя). В данном случае мы не будем затрагивать женские домашние работы; отметим только, что имеется ряд публикаций, в которых рассматриваются нормативы, связанные с ткачеством и огородничеством. Остальные предписания, связанные с женскими домашними работами, не привлекли внимание. Материалом для исследования послужили записи из некоторых областей Северной (Архангельская, Вологодская области, Республика Карелия и Республика Коми) и Центральной (Владимирская, Ярославская и Московская области) России.

Совершенно очевидно, что для аграрной страны земледелец – это не особая профессия, поскольку каждый сельский житель с ранней весны и до поздней осени совершает ряд полевых работ.

Прежде всего, нормы регламентировали начало пахоты и выбор первого пахля. Начало пахоты в рассматриваемых нам региональных традициях строго фиксировалось и приурочивалось к той или иной календарной дате, дню недели или суточному циклу. *«У нас пахать начинают после Благовещенья, после седьмого апреля»*¹ или *«В первое полнолуние апреля пахать начинают»*². Однако чаще встречается упоминание о легком дне: *«Пахать в легкий день надо начинать, во вторник там, в четверг, в субботу. В понедельник нельзя – тяжелый день»*³. Существовали и ограничения на начало пахоты. Так, например, нельзя было пахать в новолуние – *«колос пустой будет»*⁴. Поскольку в большинстве северо- и центрально-русских локальных традиций⁵ существовал запрет начи-

¹ З.А. Антонова, 1938 г.р., ур. села Борисово, с 1967 года – село Пестенькино, Муромский район, Владимирская область (Добровольская. Архив Государственного республиканского центра русского фольклора (Далее – ГРЦРФ). Здесь и далее в скобках указывается фамилия собирателя и архив, в котором хранится запись.

² Н.А. Комиссарова, 1909 г.р., ур. деревни Погорелка. Запись сделана в городе Пошехонье (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

³ А.А. Комарова, 1908 г.р., деревня Бутырино, Котельничский район, Кировская область (Нехай. Архив кафедры устного народного творчества Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова (далее – МГУ).

⁴ В статье Е.С. Узеновой приведена другая мотивировка – «чтобы на стеблях не росли лишние побеги» (Узенова Е.С. Пахота // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2004. – Т. 3: К – П. – С. 652).

⁵ О земледельческих традициях других восточнославянских регионов см., например, Тульцева Л.А. Социально-нравственные аспекты земледельческой обрядности // Русские народные традиции и современность. – М., 1995. – С. 288 – 297; Лысенко О.В. Ритуалы аграрного цикла в белорусской этнокультурной традиции XIX – XX веков (структура, функция, семантика): дис. ... канд. фил. наук. – СПб., 2002.

нать работу в день, на который пришлось Благовещение, то, соответственно, начало пахоты откладывали: *«Вообще во вторник лучше запахать, но в этом году Благовещение во вторник было, вот не запахивают, никак работу не начинают во вторник»*¹. Помимо собственно дня первой запашки, существовали и суточные ограничения начала пахоты: *«Пахать первый раз днем нельзя – обязательно кто-нибудь спортит, пусть даже не со зла. Пахать надо с утра раннего»*² или *«Пахать начинают уж в ночи почти, чтоб домой вернуться и не делать ничего»*³.

Эти нормативы распространяются на мужчин, поскольку в исследуемых регионах пахота – исключительно мужское занятие. Если по каким-либо причинам пашет женщина, в большинстве случаев это рассматривается как грех: *«У нас баба не пашет, это грех»*⁴. Считается, что если женщина пашет, то она приносит несчастье общине. Так, она может своими действиями вызвать падеж скота: *«Если баба пашет – обязательно падеж будет, она рушит все, когда пашет; вот мужик белье моет и баба пашет – обязательно падеж»*⁵; неурожай: *«Если баба на пашне – хорошего урожая не жди, ничего родить не будет, пахать мужик должен – баба только жнет»*⁶; и даже голод: *«Если баба вспашет – голод будет»*⁷.

Многие исполнители в доказательство того, что женщина не должна пахать, говорили о том, что когда в 20 – 30-е годы женщин посадили на трактора и заставили пахать, урожаи резко упали: *«Вот у нас тут девок и баб молодых на трактора посадили, бригады были такие женские, ну, поветрие было такое – «Женщину на трактор», и вот там, где девки пахали – там прям ничего не всходит, а у мужиков – богато. Бабе пахать нельзя»*⁸. Очень часто запрет женщине на пахоту объясняется нарушением основного требования, предъявляемого к пахарю, а именно необходимостью соблюдения им ритуальной чистоты: *«Если запахивает не старик и не малолетка, а мужик – то он с женой сношаться не должен, помолиться и все, как запашет тогда»*⁹. Соответственно женщина в традиционной культуре воспринимается как существо нечистое и в силу этого опасное: *«Бабе на пашню нельзя, а уж если у ей платно и подавно,*

¹ Е.А. Абрамушкина, 1928 г.р., ур. деревни М. Голонищи, с 1940 года – село Шубино, Гороховецкий район, Владимирская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

² З.П. Федотова, 1921 г.р., ур. деревни Тиховка. Запись сделана в городе Пошехонье, Пошехонский район, Ярославская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

³ Л.А. Фролова, 1919 г.р., ур. деревни Лебедево. Запись сделана в городе Судогда, Судогодский район, Владимирская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

⁴ А.И. Щукина, 1928 г.р., село Красное, Переславский район, Ярославская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

⁵ А.В. Харитоновна, 1928 г.р., деревня Непейцыно, Судогодский район, Владимирская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

⁶ М.Н. Овчинникова, 1915 г.р., село Красное, Переславский район, Ярославская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

⁷ Р.М. Родыкина, 1917 г.р., поселок Усть-Шоноша, Вельский район, Архангельская область (Личный архив автора (далее – ЛАА)).

⁸ М.С. Игнатов, 1917 г.р., поселок Малошуйка, Онежский район, Архангельская обл. (ЛАА).

⁹ Ф.А. Макарычев, 1918 г.р., село Великово, Гороховецкий район, Владимирская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

она нечистая – урожай не будет»¹. Даже в экстремальных ситуациях, прежде всего во время войны, старались не доверять пахоту женщинам: *«Вот уж бабам пахать даже в войну не давали, уж старик какой, пацаненок, но вот не баба только. Если баба – урожай не будет»*². В случае невозможности осуществления пахоты мужчиной старались, чтобы ее хотя бы начали вдовы или старые де-вы, так как этим группам в традиционной культуре в определенных ситуациях приписывается ритуальная чистота: *«Вот у нас мужиков совсем не было, а мальчишки совсем малые, вот у нас вдовы пахали, ну начинали пахать. Говорят, вдова чистая, она уже с мужиком не спит, она другая, не такая как все бабы, она пахоте не вредит»*³. Некоторые исполнители упоминали о том, что поле могли распахивать старухи: *«Вот бабе поле пока дела у ней пахать нельзя, урожай не будет. Как ушло, тут уж все – старуха, вот тут и запахивали, ничего не спорит она»*⁴.

Сев также повсеместно «мыслился исключительно мужским делом» [4, с. 135]. Даже во время войны *«бабы у нас не сеяли: старики, подросточки, мальчишечки совсем, инвалид какой – только б не баба – бабе сеять грех»*⁵. Однако и здесь существовал ряд исключений. Так, при невозможности осуществления сева мужчиной на поле выходила женщина, находящаяся в детородном периоде и у которой было больше всего детей: *«Вот у нас так сложилось, что и засеять некому, и вот уж тут выбрали бабу, чтоб молодая, чтоб еще рожала и у нее, чтоб детей много, больше, чем у всех – она засевала. Старики все тогда говорили, что она поделится с полем, поле то ж рожать будет хлеб»*⁶.

По сведениям А.Б. Зерновой, первый сев производили без штанов или в полностью обнаженном виде [16, с. 23 – 35]. Аналогичные сведения зафиксированы и Г.С. Масловой в Олонецкой губернии [19, с. 116]. Подобные сведения были выявлены и нами для женщин-засевальщиц, причем отмечается, что обычно это делали, если пересева-ли поле, на котором по каким-либо причинам не взойшли зерновые: *«Вот во время войны было, мужиков не было, а уж сеять, ну, бабы посеяли, а тут вот вдарили холода, все померзло и пересевать. Тут старухи ушлые были, говорят пересевать уж без одежды надо, ну вышли бабы без*

¹ Ф.М. Тимкина, 1898 г.р., деревня Крюши, Арбажский район, Кировская область (Обижае-ва. Архив МГУ).

² Д.А. Корнеева, 1917 г.р., поселок Усть-Шоноша, Вельский район, Архангельская область (ЛАА).

³ Г.Д. Жигулина, 1925 г.р., поселок Берендеево, Переславский район, Ярославская область (ЛАА).

⁴ Р.М. Родькина, 1917 г.р., поселок Усть-Шоноша, Вельский район, Архангельская область (ЛАА).

⁵ М.С. Игнатова, 1917 г.р., поселок Малошуйка, Онежский район, Архангельская область (ЛАА). Ср. «С землей работать не ее (бабы) дело. Землю только поганит... Ей вот только жать» и «Самим Господом положено, чтобы сеял мужик, потому бабе сеять грех». (Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX веков. – Л.: Наука, 1988. – С. 136).

⁶ А.Д. Петрова, 1919 г.р., поселок Малошуйка, Онежский район, Архангельская область (ЛАА).

одежи переселяли и правда – урожай богатый был»¹. Большинство наших исполнителей отмечали, что ни при каких условиях на поле не могла выйти девушка или бесплодная женщина: *«Вот уж баба с детьми, еще могла засеять, а вот чтоб девка или неплода нет, тут уж хлеба не будет, нельзя им выходить»*². Отметим, что во многих регионах контакт с нерожавшей женщиной и даже ее вещами во время сева запрещался. Так, засевавший должен был надеть на себя какой-нибудь элемент женского костюма, чаще всего фартук или платок: *«Когда сеять выходят мужики, у жен фартуки берут и из них сеют, чтоб хлеб родился»*³. Однако существует довольно устойчивый запрет брать фартук у неплодной женщины или у дочери: *«У нерожавшей или неплодной брать фартук нельзя – будет неурожай, хлеб не родиться»*⁴.

Молотьба завершает мужские земледельческие работы. Женщина обычно не выходила на обмолот. Более того, существовал запрет на участия женщин в молотьбе. Следили, чтобы беременная или «нечистая» женщина не появились на гумне, поскольку это предвещает *«порчу зерна, гниль спорыш, плесень всякая по зерну пойдет – спориться зерно»*⁵. Женщина не должна дотрагиваться до цепов – *«молотильщик болеть будет, а может и помереть»*⁶. Существовал обычай на расстеленных снопах делать вилами крест. Если крест делал хозяин, то считалось, что молотьба будет удачной: быстрой и легкой. Если по каким-либо причинам мужчины в семье не было, то крест могла поставить и женщина, но в этом случае полагали, что во время помолота произойдет несчастье: *«На снопах вилами крест делали. Только тот, кто молотит, только мужчина, старший в семье. Если баба поставит – молотьба тяжелой будет, что-нибудь случиться»*⁷.

Говоря о молотьбе, нельзя не упомянуть и оvinные обряды, которые также совершались только мужчинами. С.В. Максимов и М.М. Громыко приводят множество примеров обрядовых действий в овине [18, с. 56 – 60; 8, с. 138 – 140]. Укладывание и вынимание снопов считалось только мужской работой: *«Вот снопы бабы вяжут, а вот в овин на просушку только мужики кладут. Если баба класть будет – овин непременно сгорит»*⁸ или *«Если баба снопы из овина вы-*

¹ А.И. Белкова, 1907 г.р., город Пошехонье, Пошехонский район, Ярославская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

² М.И. Дмитриева, 1923 г.р., поселок Малошуйка, Онежский район, Архангельская область (ЛАА).

³ Т.Ф. Фролова, 1921 г.р., поселок Малошуйка, Онежский район, Архангельская область (ЛАА).

⁴ А.С. Егунова, 1918 г.р., ур. деревни Пахотный Усад, с 1963 года – деревня Куприяново, Гороховецкий район, Владимирская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

⁵ В.И. Малышева, 1919 г.р., село Княжево, Переславский район, Ярославская область (Архив Переславского национального природно-исторического парка (далее – ПНПИП).

⁶ Ф.М. Тимкина, 1898 г.р., деревня Криуши, Арбажский район, Кировская область (Обижаева. Архив МГУ).

⁷ З.И. Грибова, 1926 г.р., ур. деревни Клин. Запись сделана в городе Пошехонье, Пошехонский район, Ярославская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

⁸ С.А. Петровская, 1920 г.р., Никитская слобода, Переславский район, Ярославская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

нет – пустой колос, хлеба совсем ничего намолотят»¹. Огонь в овине разжигали также только мужчины, причем чаще всего это делал самый старый член семьи: «Огонь в печке, в овине-то хлеб сушат и огонь там разводят, так вот у нас дедушка всегда разводил, говорят бабам грех разводить – хлеб весь сгорит; сямый старший мужик, только мужчина разводит – тогда добро будет»².

Таким образом, участие женщин в мужских сельскохозяйственных работах строго ограничивалось и считалось опасным для будущего урожая.

Несколько иная ситуация с косьюбой, которая хотя и осознается преимущественно мужским занятием, но жестких запретов на работу женщины косарем нет: «Косят, конечно, мужики, но если нет их, или вот война была – бабы косили. Работа тяжелая – лучше, чтоб косил мужик»³. Однако все-таки обычно косить должен мужчина: «Если мужчина в доме есть и он здоров, то он косить должен, а бабы только ворошат и гребут»⁴. Считается, что косящая женщина предвещает смерть: «Вот если мужики есть, а баба косит – она людей выкашивает, к смерти кого-нибудь»⁵ или «Баба косит – она в деревни людей выкашивает, кто-то помрет бесприменно, в семье у ней помрет»⁶. Вероятно, это связано с тем, что в фольклорной традиции коса является атрибутом персонифицированной Смерти (ср. смерть – баба с косой, старуха с косой).

Собственно женским сельскохозяйственным занятием считалась жатва и уборка льна, поскольку женщины являлись основными участницами этого процесса. Комплекс нормативов связан в данном случае с началом и концом жатвы, а также с серпом как орудием труда. Так, например, перед началом жатвы жницы должны были не вступать в половой контакт с мужем, так как полагали, что в противном случае «весь хлеб в скирдах погниет»⁷. На жатву во избежание неприятностей нужно было выходить тайно, чтоб никто не видел: «Девки и бабы все тайком выходили жать-то. Говорят, если кто увидит, как идут в поле – дожди будут всю жатву, ничего не посохнет – сгниет»⁸. Особые правила распространялись на обращение с серпом. Так, серп нельзя нести на поле в руке. Как и топор плотника [13, с. 9 – 19], его убирали за пояс, причем наиболее правильным считалось закрыть серп концом фартука; в противном случае ожидали сильных ливней во время жатвы, пожаров и полной потери урожая: «Серп в руке никто на поле не нес, знали – за пояс надо сунуть и фартуком, углом-то при-

¹ М.Ф. Безбородова, 1930 г.р., деревня Карево, Судогодский район, Владимирская область (Добровольская. Архив ГРЦФ).

² З.А. Морозова, 1915 г.р., город Гороховец, Гороховецкий район, Владимирская область (Добровольская. Архив ГРЦФ).

³ В.И. Смирнова, 1924 г.р., деревня Дубки, Рузский район, Московская область (ЛАА).

⁴ З.С. Феофанова, 1920 г.р., деревня Бережки, Судогодский район, Владимирская область (Добровольская. Архив ГРЦФ).

⁵ К.И. Забегалов, 1925 г.р., ур. деревни Большая Муромка, с 1949 года – деревня Чулково, Гороховецкий район, Владимирская область (Добровольская. Архив ГРЦФ).

⁶ Д.П. Петров, 1924 г.р., село Ям, Переславский район, Ярославская область (Архив ПНПИП).

⁷ Д.С. Харитонов, 1918 г.р., поселок Малошуйка, Онежский район, Архангельская область (ЛАА).

⁸ Ф.М. Тимкина, 1898 г.р., деревня Криуши, Арбажский район, Кировская область (Обижаева. Архив МГУ).

крыть. Если так несешь, и сейчас еще старухи-то скажут: «К пожару нето несешь?!». Не носили никогда, остерегались»¹. С поля серп уносили, завернув его в срезанные колосья или лен, так как верили, что в противном случае мужская часть семьи подвергнется болезням и даже смерти: «Серп заворачивали всегда; знали, если забудешь – мужики в доме болеть будут, а то и помрут»². Некоторые исполнители помнят о том, что после завершения жатвы все ее участницы должны были «кувыркнуться на поле по стержне», приговаривая: «Жнивка, жнивка – отдай мою силу», в противном случае женщина подвергалась угрозе болезней, «немочи всяки на нее приходят»³.

Из вышеприведенных примеров видно, что для всех рассматриваемых работ наиболее значимыми являются запреты на участие в не свойственных для женщин работах. Вторжение в не свойственную для своего пола сферу деятельности представляет опасность как для самого человека, так и для общины в целом. Знание и соблюдение предписаний призвано предотвратить эти опасности, защитить женщину, ее семью и всю общину от возможного ущерба.

Примечания

1. Carr-Saunders A.M., Wilson P.A. The Professions Oxford. – Oxford: Clarendon Press, 1933.
2. Parsons T. Professions // International Encyclopedia of the Social Sciences. – New York: The Macmillan Company & The Free Press, 1968. – P. 536 – 547.
3. Антропология профессий. – Саратов, 2005.
4. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX веков. Половозрастной аспект традиционной культуры. – Л., 1988.
5. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Запреты, // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общей ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. – Т. 2: Д – К. – С. 269 – 273.
6. Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. – Ижевск, 1998.
7. Власкина Т.Ю. Повивальная бабка в фольклоре и обычаях донских казаков // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. – Ростов-на-Дону, 1999. – С. 164 – 174.
8. Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX веков). – Новосибирск, 1975.
9. Добровольская В.Е. Молитовки петь грешно... // Живая старина. – 2007. – № 2. – С. 26 – 28.
10. Добровольская В.Е. Народные представления о колдунах в сказочной прозе // Мужской сборник. – М., 2001. – Вып. 1: Мужчина в традиционной

¹ М.Н. Овчинникова, 1915 г.р., село Красное, Переславский район, Ярославская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

² Т.Ф. Фролова, 1921 г.р., поселок Малошуйка, Онежский район, Архангельская область (ЛАА).

³ З.С. Феофанова, 1920 г.р., деревня Бережки, Судогодский район, Владимирская область (Добровольская. Архив ГРЦРФ).

- культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. – С. 95 – 105.
11. Добровольская В.Е. Прескрипции, регулирующие заговорно-заклинательную практику (На материале Владимирской и Ярославской областей) // Традиционная культура. – 2009. – № 1. – С. 39 – 51.
 12. Добровольская В.Е. Типы и функции магических запретов, связанных с исполнением некоторых жанров фольклора // Славянская традиционная культура и современный мир. – М., 2002. – Вып. 4. – С. 112 – 123.
 13. Добровольская В.Е. Типы прескрипций, связанные с профессией плотника, в традиционной культуре Северной и Центральной России // Вятские родники: сборник материалов восьмой научно-практической конференции. – Киров, 2007. – С. 9 – 19.
 14. Зеленин Д.К. Сезонные запреты (табу) у восточных славян и их соседей // Архив РАН. СПб. – Ф. 849. – Оп. 1. – Д. 310.
 15. Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. – Ч. 1. Запреты на охоте и иных промыслах // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1929. – Т. 8.
 16. Зернова А.Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // СЭ. – 1932. – № 3. – С. 23 – 35.
 17. Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. – Петрозаводск, 1993.
 18. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила: в 2 т. – М.: Русский духовный центр, 1993. – Т. 1.
 19. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX веков. – М., 1984.
 20. Назарова И.Ю. Приметы в профессиональной сфере // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. – М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. – С. 295 – 312.
 21. Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 12.
 22. Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри. – М., 2007.
 23. Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. – М., 2001.
 24. Топорков А.Л. Гончарство: мифология и ремесло // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л., 1984. – С. 41 – 47.
 25. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). – М., 1982.
 26. Финченко А.Е. Материалы к изучению пастушества на Русском Севере // Полевые исследования института этнографии за 1982 год. – М., 1983.
 27. Цивьян Т.В. Об одном классе персонажей низшей мифологии: «профессионалы» // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. – М., 2000. – С. 177 – 192.

28. Чередникова М., Кром И. Не возите больного ногами вперед! Ему-то по барабану, а врач может окочуриться [Электронный ресурс]. – [Б. м.]: Б. изд., Б. г. – URL: [http:// www. megapolis.ru](http://www.megapolis.ru).
29. Чернов И.А. О семиотике запретов // Труды по знаковым системам. – 1967. – Вып. 3. – С. 45 – 59.
30. Шумов К.Э. Профессиональный миф программистов // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 128 – 164.
31. Шумов К.Э. Традиции пожарной охраны [Электронный ресурс]. – [Б. м.]: Б. изд., Б. г. – URL: www.ruthenia.ru/folklore/alphabet.htm.
32. Щепанская Т.Б. Мужская магия и статус специалиста (по материалам русской деревни конца XIX – XX веков) // Мужской сборник. – М., 2001. – Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. – С. 9 – 27.
33. Щепанская Т.Б. Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сборник докладов. – М., 2006. – Т. 2. – С. 406.
34. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Предисловие редакторов // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. – М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. – С. 7 – 10.

Т.Н. Золотова,

кандидат исторических наук, ученый секретарь

ФГНИУ «Сибирский филиал Российского института культурологии», г. Омск

Севернорусские традиции в календарных обрядах сибиряков¹

Интересным и мало изученным этнографами является Тоболо-Иртышский регион, расположенный на юге Западно-Сибирской равнины, в междуречье Тобола и Иртыша, и являющийся своеобразной буферной зоной между Уралом и Сибирью с переплетением различных культурно-исторических традиций. По современному территориальному делению в данный регион входят Омская, Тюменская, Курганская, Павлодарская и Северо-Казахстанская области.

Формирование русского населения этого региона подробно рассмотрено историками [1, 5, 11, 15, 16, 18, 21, 23, 24, 26]. На первом этапе заселения Сибири в XVI – XVII веках большую роль играло казачество. Необходимость снабжения продовольствием служилых людей заставила правительство проводить интенсивную переселенческую политику, что привело к появлению крестьян-переселенцев, происходивших на первом этапе колонизации Сибири из северных губерний России: Архангельской, Вологодской, Олонецкой. Во второй половине XVIII века среди пришлого населения начинают преобладать выходцы из

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, № 08-01-00402а «Праздники и обряды календарного цикла восточнославянского населения Западной Сибири: структурно-функциональная характеристика и этнокультурные процессы (конец XIX – начало XXI веков)».

<i>Шушвал Н.А.</i> Отчеты благочинных о пожертвованиях как источник по изучению традиций храмопопечения во второй половине XIX – начале XX веков (по материалам Вологодской епархии)	172
Раздел 2. Культура Русского Севера	179
<i>Самарина Н.Г.</i> Источники для изучения крестьянской культуры (по материалам Забелинских чтений Государственного исторического музея)	179
<i>Ерохина Е.А.</i> Русские: народ, государство и география в геополитическом, этно- и социокультурном контексте досоветского периода	190
<i>Кознова И.Е.</i> Культура как память: севернорусский крестьянин вспоминает прошлое (по воспоминаниям И.С. Карпова)	196
<i>Орлова О.В.</i> Личный архив семьи крестьян Яренского уезда Архангельской губернии Лемзаковых	207
<i>Галимова Е.Ш.</i> Борис Шергин о народной художественной культуре Русского Севера	218
<i>Пиликина Н.Н.</i> Культура предметного мира в системе деревянного зодчества	224
<i>Мошина Т.А.</i> Крестьянские традиции в быту петрозаводчан в первой половине XIX века (по материалам воспоминаний современников, периодической печати и архивных документов)	232
<i>Голубкова О.В.</i> Дерево и крест в славянских и финно-угорских культовых традициях	237
<i>Юренко (Кузнецова) А.И.</i> Православные монастыри в современном культурном пространстве Русского Севера	247
<i>Демчук Г.В.</i> Из истории Куростровской церкви Двинского уезда	252
<i>Мелютин М.Н.</i> Часовенный календарь Кенозерья	264
<i>Цеханская К.В.</i> Святые дети в культуре Русского Севера	282
<i>Кондратьева В.Г.</i> Промысловый календарь в Поморье в конце XIX – начале XX веков	287
<i>Трапезникова А.А.</i> Материал крестьянских родословных в экспозиции и интерактивных программах Архитектурно-этнографического музея Вологодской области: родословие рода Храповых	300
<i>Добровольская В.Е.</i> Запреты и предписания, связанные с женскими сельскохозяйственными работами в традиционной культуре Русского Севера	304
<i>Золотова Т.Н.</i> Севернорусские традиции в календарных обрядах сибириков	314
<i>Шелегина О.Н.</i> Адаптация результатов научных исследований к музейной практике (на примере изучения севернорусских традиций в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири)	321
<i>Третьякова В.В.</i> Коллекция семьи Махновых из деревни Трофимовская Онежского уезда в собрании Архангельского областного краеведческого музея (1745 – 1936 годы)	328
<i>Ломакин В.Н.</i> Описание основных типов поморских судов	339